

Терминус

1

От остановки до ракетодома путь был неблизкий, особенно если тащить чемодан. Над призрачно белеющими полями стояла предрассветная мгла, по шоссе в серебристых клубках тумана, посвистывая шинами, пронеслись грузовики; на поворотах стоп-сигналы вспыхивали красным светом. Перекладывая чемодан из одной руки в другую, Пиркс посмотрел вверх. Туман, должно быть, оседал – просвечивали звезды. Пиркс невольно поискал курсовую для Марса Серая мгла вдруг заколебалась. Неправдоподобно зеленый огонь насквозь прошел темноту. Пиркс машинально открыл рот: приближался гром, а за ним – горячий вихрь. Земля задрожала. В одно мгновение над равниной возшло зеленое солнце. Снег до самого горизонта засверкал ядовитым блеском, тени от придорожных столбов побежали вперед, а все, что не стало ярко-зеленым, почернело, словно обуглилось. Растирая зеленые ладони. Пиркс смотрел, как один из призрачно освещенных стрельчатых минаретов, которые, казалось, по странному капризу зодчего сгрудились в центре окаймленной холмами котловины, отрывается от земли и величественно поднимается в небо, опираясь на огненный столб. Когда грохот стал материальной силой, заполнившей все вокруг, Пиркс, закрыв лицо ладонями, увидел сквозь пальцы далекие башни, строения, цистерны, окруженные алмазным ореолом. Окна Управления порта пылали, словно за ними бушевал пожар; все очертания начали колебаться и изгибаться в раскаленном воздухе, а виновница всего этого с торжествующим ревом исчезала в высоте, оставив на земле огромный черный дымящийся круг. Спустя минуту с усеянного звездами неба хлынул крупный теплый дождь – сработал эффект конденсации.

Пиркс поднял свою ношу и пошел дальше. Взлет ракеты будто сломил ночь: с каждой минутой светлело – уже было видно, как оседает во рвах тающий снег и вся равнина выплывает из облаков тумана.

За сетчатым забором, сверкающим от воды, тянулась защитная стенка для людей из ракетодоменной команды, со скатами, покрытыми дерном. Ноги скользили по мертвой, набухшей водой прошлогодней траве, но Пиркс слишком спешил и не стал искать ступенек ближайшего перехода, с разгона взбежал наверх и увидел ее издалека.

Она стояла особняком, высоченная, как башня, выше других ракет. Таких не строят уже давно. Он обходил разлившиеся на бетоне мелкие лужицы; дальше их почти не было: вода мгновенно испарилась от теплового удара, четырехугольные плиты сухо и резко, как летом, звенели под каблуками. Чем ближе он подходил, тем выше приходилось заирать голову. Обшивка выглядела так, будто ее послойно покрывали клеем, обмазывали глиной и обертывали какимто тряпьем. Раньше к вольфраму подмешивали асбестовый карбоволокнит. Стоило кораблю два-три раза обгореть при торможении в атмосфере, и он покрывался лохмотьями, словно его пытались ошкурить. Срывать их не имело смысла – из-за страшного сопротивления воздуха на старте сейчас же появлялись новые. А устойчивость, управляемость – хоть сразу в Космический Трибунал: состав преступления налицо.

Он шел не спеша, хотя чемодан уже порядком оттянул руки: хотел как следует осмотреть

1

Станислав Лем

корабль снаружи. Ажурная конструкция трапа вырисовывалась на фоне неба – совсем как лестница Иакова. Обшивка ракеты была серая, цвета камня; впрочем, все еще было серым: раскиданные по бетону пустые ящики, баллоны, обломки ржавого железа, бухты металлических тросов. Беспорядочно разбросанные, они свидетельствовали о спешке, с которой производилась погрузка. Не доходя шагов двадцать до трапа, Пиркс поставил чемодан и огляделся. Похоже, груз на месте; огромная, на гусеничном ходу погрузочная платформа была отодвинута, ее крюки висели в воздухе метрах в двух от корпуса. Он обошел стальную опору, которой черневший на фоне утреннего неба корабль упирался в бетон, и оказался возле кормы. Железобетон осел под колоссальным давлением опоры, от нее во все стороны разбегались стрелы трещин.

«Заплатят и за это», – подумал Пиркс о владельцах корабля, вступая в тень, отбрасываемую кормой.

Он остановился под воронкой первой дюзы, запрокинул голову. Ее край, слишком высокий, чтобы до него можно было дотянуться, покрывали толстые наслоения копоти. Пиркс потянул носом воздух. Хотя двигатели молчали уже давно, он различал резкий, характерный запах ионизации.

– Иди-ка сюда, – проговорил кто-то у него за спиной.

Он обернулся, но никого не увидел, только снова услышал тот же голос – будто всего в трех шагах.

– Эй, есть тут кто? – крикнул Пиркс.

Его голос глухо прозвучал под черным, ощерившимся десятками дюз куполом кормы. Он перешел на другую сторону и увидел копошащихся вдали, метрах в трехстах, людей. Выстроившись в ряд, они тянули по земле тяжелый топливный шланг. Больше не было никого. Он с минуту еще прислушивался, наконец снова, на этот раз сверху, долетело неясное бормотание. Видимо, это был эффект воронкообразных отверстий: они действовали как рефлекторы, концентрируя звуки. Он вернулся за чемоданом и направился к трапу.

Занятый своими мыслями – что это были за мысли, он не смог бы ответить, – Пиркс не заметил, как одолел шестиэтажную лестницу. Наверху, на платформе с алюминиевыми поручнями, он не обернулся, чтобы взглядом проститься с Землей. Это даже не пришло ему в голову. Прежде чем толкнуть дверь люка, он провел пальцем по обшивке. Терка, да и только! Поверхность напоминала изъеденный кислотами камень.

– Ничего не поделаешь... сам того хотел, – пробормотал он.

Дверца люка подалась с трудом, словно была камнями привалена. Шлюзовая камера походила на бочку изнутри. Он провел пальцами по трубам, растер сухую пыль. Ржавчина.

Протискиваясь через внутренний люк. Пиркс успел заметить, что уплотняющая прокладка отремонтирована. Вверх и вниз шли вертикальные колодцы коридоров,

освещенные ночными лампами, свет их вдали сливался в голубую полосу. Где-то шумели вентиляторы, гнусаво чмокал невидимый насос. Пиркс выпрямился. Окружающую его громаду с броневой обшивкой и палубами он ощутил как продолжение собственного тела. 19 тысяч тонн, черт побери!

По дороге в рубку Пиркс никого не встретил. Коридор заполняла абсолютная тишина, точно корабль был уже в космическом пространстве. Мягкая обивка стен была в пятнах; изношенные тросы, служившие опорой при невесомости, свисали вниз. Десятки раз перерезанные и сращенные соединения трубопроводов напоминали обгоревшие клубни, вынутые из затухающего костра.

По пандусам он дошел до шестиугольного помещения с овальными металлическими дверями в каждой стене; пневматиков не было, вместо них – веревки, обмотанные вокруг медных ручек.

Окошки цифровых индикаторов тарачились стеклянными бельмами. Пиркс нажал кнопку информатора. Щелкнуло реле, в металлической коробке зашелестело, но экран остался темным.

«Ну, что теперь? – подумал Пиркс. – Бежать жаловаться в СТП?»

Он открыл дверь. Рубка походила на тронный зал. В стеклах мертвых экранов, словно в зеркалах, Пиркс увидел себя: в шляпе, которая от дождя совсем потеряла форму, с чемоданом, в осеннем пальто, он казался случайно забредшим сюда горожанином. На возвышении стояли вызывающие уважение своими размерами кресла пилотов, раскидистые, с широкими сиденьями, принимающими форму человеческого тела, – в них погружаешься по грудь. Он поставил чемодан на пол и подошел к ближнему. Его заполняла тень, словно призрак последнего штурмана. Пиркс ударил ладонью по спинке – поднялась пыль, в носу засвербило, он начал яростно чихать и вдруг рассмеялся. Пенопластовая прокладка поручней истлела от старости. Вычислители – таких Пиркс еще не видывал. Их создатель, наверно, души не чаял в кафедральных органах. Циферблатов на пульте было полным-полно: требовалась сотня глаз, чтобы наблюдать за всеми сразу. Он медленно повернулся. Переводя взгляд со стены на стену, он видел хитросплетения латаных кабелей, изъеденные коррозией изоляционные плиты, отполированные прикосновениями рук, стальные штурвалы для ручного задраивания герметических переборок, поблекшую краску на приборах противопожарной защиты. Все было такое запыленное, такое старое...

Пиркс пнул амортизаторы кресла. Из гидравликов сразу потекло.

«Другие летали – ну, и я смогу», – подумал он, вернулся в коридор и через дверь напротив попал в бортовой проход.

Рядом с подъемником Пиркс заметил на стене темный бугорок. Приложил ладонь – точно: пломба на пробойне. Поискал рядом другие следы, но, по-видимому, здесь заменили целую секцию – потолок и стены были гладкими. Он снова взглянул на пломбу. Цемент застыл комками. Ему почудилось, что он различает неясные отпечатки рук, работавших в страшной спешке. Пиркс вошел в подъемник и съехал вниз, к реактору. В окошечке неторопливо проползали светящиеся цифры: пять... шесть... семь...
Счет палуб шел сверху.

Внизу было холодно. Коридор изгибался дугой, разветвлялся; в конце продолговатого низкого тамбура Пиркс увидел вход в камеру реактора. Тут было еще холоднее: пар от дыхания белел в свете запыленных ламп. Пиркс встряхнул головой. Холодильники? Они, наверно, где-то здесь. Он прислушался. Плиты обшивки дрожали, слегка позвякивая. Он прошел под низко нависшими сводами, глухо вторившими его шагам; ему все время казалось, что он где-то глубоко, в подземелье. Рукоятка герметичных дверей никак не хотела поддаваться. Он нажал сильнее – рукоятка не дрогнула. Пиркс уже хотел стать на нее ногой, но разобрался в механизме замка: сначала надо было вытащить предохранительный шплинт.

За этими дверями оказались еще одни, двустворчатые на вертикальной оси, толстые, будто вели в сокровищницу. Лак на стали потрескался. На уровне глаз можно было различить оставшиеся красные буквы:

ОП... СНО... ТЬ Пиркс очутился в тесном, очень темном проходе. Когда он ступил ногой на порог, что-то щелкнуло, прямо в лицо ударил белый свет, и тотчас вспыхнуло табло с черепом над скрещенными костями.

«Ну и боялись же они тогда», – подумал Пиркс.

Когда он начал спускаться в камеру, металлические ступени глухо загудели. Помещение, куда он попал, напоминало дно высохшего рва: прямо перед ним на высоту двух этажей поднималась похожая на крепостную стену выпуклая защитная стена реактора, покрытая зеленовато-желтыми бугорками. Это были пломбы на местах прежних утечек. Пиркс попытался их пересчитать, но, когда взобрался на помост и увидел всю стену сверху донизу, отказался от своей затеи: в некоторых местах из-под пломб уже не было видно бетона.

Помост, поддерживаемый железными столбиками, отделялся от остальной части камеры прозрачными стенами, будто на него насадили стеклянный ящик. Пиркс догадался, что это свинцовое стекло, предохраняющее от жесткого излучения; но все равно этот памятник атомной архитектуры казался ему бессмыслицей.

Под небольшим козырьком торчали лучеобразно растопыренные счетчики Гейгера, нацеленные в чрево котла. В особой нише Пиркс обнаружил циферблаты – все мертвые, кроме одного. Реактор был на холостом ходу.

Пиркс спустился вниз и, став на колени, заглянул в контрольный колодец. Зеркала перископа почернели от старости. Многовато радиоактивного шлака; впрочем, Марс – не Юпитер, можно обернуться за десять дней. Похоже, что топлива хватит на несколько таких рейсов. Он привел в действие кадмиевые тормозные стержни. Стрелка дрогнула и нехотя передвинулась в другой конец шкалы. Проверил опоздание – сойдет! Лишь бы контролер СТП смотрел сквозь пальцы.

В углу что-то шевельнулось. Два зеленых огонька. Пиркс уставился на них и вздрогнул: они медленно двигались. Пиркс подошел ближе. Это был кот. Черный, худой. Кот тихо мяукнул и прижался к его ноге. Пиркс улыбнулся и оглянулся. Высоко на железной полке в клетках медленно копошилось что-то белое. Время от времени между проволочными прутьями поблескивали черные бусинки глаз. Белые мыши. Их возили

иногда на старых кораблях как живые индикаторы радиоактивности. Пиркс наклонился, хотел погладить кота, но тот ускользнул из-под руки, повернулся к самой темной, суженной части камеры, тихо мяукнул, выгнув спину и, напружинив лапы, направился к бетонному скату, за которым чернело нечто вроде прямоугольного прохода. Кончик поднятого хвоста напряженно задрожал, кот крался дальше, он уже был еле виден в полумраке. Пиркс, заинтересованный, пригнув голову, следил за ним. В покатоj стене виднелись полуоткрытые квадратные дверцы, за ними что-то слабо поблескивало. Сначала Пирксу показалось, что это бухта металлического троса. Кот настороженно всматривался в эти светлые отблески, напрягшийся хвост слегка подрагивал.

– Ну, что еще? Нет там ничего, – пробурчал Пиркс и, присев на корточки, заглянул в темноту. Там кто-то сидел. Матовые блики лежали на скорчившейся фигуре. Кот, тихонько мяукая, пошел к дверцам. Глаза Пиркса привыкали к темноте: он все отчетливее различал острые, поблескивающие, высоко поднятые колени, тускло отсвечивающие металлические наколенники и охватившие их сегментированные металлические руки. Только голова скрывалась в тени. Кот мяукнул.

Одна рука со скрипом шевельнулась, высунулась наружу и, опершись железными пальцами об пол, образовала наклонный помост, по которому кот молниеносно шмыгнул вверх и устроился на плече сидящего.

– Эй ты, – сказал Пиркс, обращаясь то ли к коту, то ли к тому созданию, которое медленно, будто преодолевая огромное сопротивление, начало убирать руку. Слова Пиркса действовали. Железные пальцы стукнулись о бетон.

– Кто там? – послышался голос, искаженный, словно он шел из железной трубы. – Терминус говорит – кто?

– Что ты тут делаешь? – спросил Пиркс.

– Терминус... я... холодно... плохо... вижу... – прогудел голос.

– Присматриваешь за реактором? – спросил Пиркс. У него не было надежды узнать что-нибудь от автомата, обветшавшего, как и весь корабль, но зеленые кошачьи глаза почему-то мешали ему оборвать разговор.

– Терминус... реактором, – загудело в бетонном убежище. – Я... реактором... реактором, – повторял автомат с каким-то глуповатым самодовольством.

– Встань! – крикнул Пиркс, ибо ничего другого не пришло ему в голову.

Внутри заскрежетало. Пиркс отступил на шаг, глядя, как из тьмы выдвигаются и выворачиваются наружу две металлические перчатки с растопыренными пальцами, как они хватаются за края ниши и начинают вытягивать туловище, которое протяжно затрещало. Металлическое туловище согнулось, автомат вылез наружу и начал распрямляться, скрежеща и скрипя суставами. На запыленных сочленениях пластин панциря выступили капли масла. Похожий больше на рыцаря в латах, чем на автомат, робот медленно раскачивался из стороны в сторону.

– Здесь твое место? – спросил Пиркс.

Стеклянные глаза автомата, медленно оглядывая все вокруг, разошлись в разные стороны, и косоглазие придало плоскому металлическому лицу выражение совершенной тупости.

– Пломбы... приготовлены... два... шесть... восемь... фунтов... плохо... видно... холодно...

Голос исходил не из головы, а из широкой грудной клетки автомата.

Кот, свернувшись в клубок, смотрел на Пиркса с высоты железного плеча.

– Пломбы... готовы, – скрипел Терминус; руки его непрерывно двигались, и эти движения были элементами хорошо знакомой Пирксу операции: соединенными в лопатку ладонями Терминус захватывал что-то из воздуха и бросал куда-то вперед. Так переменными движениями пломбируют радиоактивную течь. Оксидированное туловище раскачивалось все сильнее, черный кот царапнул когтями по железу, но не удержался и с сердитым фырканьем черной полосой ринулся вниз, скользнув по ноге Пиркса. Автомат словно не заметил этого. Он умолк. Только руки судорожно подергивались – остаточные, гаснущие движения казались затухающим, немеющим эхом его слов. Наконец он замер.

Пиркс взглянул на стену реактора, всю в подтеках, покрытую темными пятнами цементных пластырей, окаменевшую от старости, и повернулся к Терминусу. Тот был, вероятно, очень стар – кто знает, может, даже старше корабля. Правое плечо, видимо, меняли, на бедрах и голених виднелись явные следы сварки – около швов металл, раскаленный и остывший, стал почти темно-синим.

– Терминус! – крикнул Пиркс роботу совсем так, будто обращался к глухому. – Иди на свое место!

– Слушаю. Терминус.

Автомат попятился как раз к открытому убежищу и, скрежеща, стал протискиваться внутрь. Пиркс оглянулся, ища кота, но тот исчез. Пиркс вернулся наверх, задраил герметичные двери и на лифте поднялся на четвертую палубу, в навигационную кабину.

Широкая и низкая, с почерневшими дубовыми панелями и балочным потолком, она напоминала корабельную каюту. Здесь были судовые иллюминаторы в медных кольцевых рамах. Сквозь стекла проникал дневной свет. Такая была мода лет сорок назад – даже пластиковые покрытия стен делали под дерево. Пиркс распахнул иллюминатор и чуть не стукнулся головой о стену. Иллюзию дневного освещения создавали скрытые лампы. Он захлопнул окно и отвернулся. Со столов свисали карты неба, бледно-голубые, как моря в географическом атласе; по углам валялись рулоны использованной кальки, испещренные курсовыми кривыми; чертежная доска под точечным рефлектором вся была исклевана циркулями. В углу стоял письменный стол, перед ним – дубовое кресло на шаровом шарнире, дающем возможность устанавливать его в любой плоскости. Сбоку тянулись вделанные в панель разошедшиеся библиотечные шкафы.

Настоящий Ноев ковчег.

Не потому ли агент после подписания договора сказал; «Вам достался исторический корабль?»

Старый – еще не исторический.

Пиркс принялся один за другим выдвигать ящики стола и наконец нашел судовой журнал – большой, в залоснившемся кожаном переплете со стершимся тиснением и потускневшими металлическими застежками. Пиркс все еще стоял, словно не решался занять огромное просиженное кресло. Он открыл журнал. На первой странице стояла дата пробного рейса и фотограмма технического акта верфи. Пиркс заморгал: тогда его еще не было на свете. Он поискал последнюю запись – сейчас она была самой важной. Все совпадало с тем, что ему сказал агент: корабль уже неделю загружался машинами и всякой мелочью для Марса. Старт, намеченный на двадцать восьмое, отложен, три дня идут начисления за простой. Вот почему такая спешка! Начисления за простой в земном порту могут разорить и миллионера.

Он медленно перелистывал страницы, не читая поблекших записей, замечая только отдельные стереотипные обороты речи, курсовые данные, результаты вычислений – не задерживался ни на чем, будто искал в журнале что-то другое. Из потока записей вынырнула одна – в верху страницы: «Корабль отправлен на верфи Амперс-Харт для ремонта I категории».

Дата была трехлетней давности.

Ну, и что же они там улучшили? Он не отличался чрезмерным любопытством, однако проглядел опись работ, удивляясь все больше и больше: сменили носовую броню, шестнадцать палубных секций, шпангоуты крепления реактора, герметичные переборки.

Новые переборки и шпангоуты?

Правда, агент что-то говорил о какой-то давней аварии. Но это была не обычная авария, а скорее катастрофа.

Пиркс начал листать страницы в обратном порядке, – может, удастся узнать что-нибудь из записей, сделанных до ремонта. Нашел порт назначения – Марс. Груз – мелкие товары. Экипаж: первый офицер – инженер Пратт, второй – Вайн, пилоты Поттер и Нолан, механик – Симон.

А командир?

Еще страница – и Пиркс вздрогнул. Дата приемки корабля – девятнадцать лет назад. И подпись: первый навигатор – Момссен.

Момссен!

Пиркса бросило в жар.

Как это Момссен? Ведь не тот же это Момссен? Ведь... ведь там... был другой корабль!

Но дата совпадала: с тех пор прошло девятнадцать лет.

Минутку. Только не спешить. Не спешить.

Он снова взялся за бортовой журнал. Размашистый, четкий почерк. Выцветшие чернила. Первый день полета. Второй, третий. Умеренная течь реактора: 0.4 рентгена в час. Наложили пломбу. Вычисления курса. Ориентация по звездам.

Дальше, дальше!

Пиркс не читал – глаза стремительно бегали по строчкам.

Есть!

Дата, которую он заучивал в школе еще мальчишкой, и под ней:

«В 16.40 по корабельному времени принято метеоритное предупреждение Деймоса об облаке, идущем с юпитеровой пертурбации Леонид, со скоростью сорок километров в секунду встречным курсом. Прием метеоритного предупреждения подтвержден. Объявлена тревога. При постоянной течи реактора 0.4 рентгена в час начат обходной маневр полной тягой с ориентировочным выходом на Дельту Ориона».

Ниже, с новой строки:

«В 16.51 по корабельному времени на...»

Больше на странице ничего не было. Ничего – никаких знаков, каракулей, пятен, ничего, кроме непонятно почему удлинённой, а не закруглённой, как положено, вертикальной черточки последней буквы «а». В извилистой линии длиной в несколько миллиметров, которой, сползая со строки на белую равнину листа, обрывалась запись, было все: грохот попаданий, воющий свист вырывающегося из корабля воздуха, крики людей, у которых лопались глазные яблоки...

Но ведь тот корабль назывался иначе. Иначе! Как?

Это походило на сон: Пиркс никак не мог вспомнить название, столь же известное, как название корабля Колумба!

Господи, как же назывался корабль – последний корабль Момссена?!

Он бросился к книжному шкафу. Толстый том справочника Ллойда сам попался под руку. Название, кажется, начиналось на «К». «Космонавт»? Нет. «Кондор»? Нет. Что-то подлиннее, какая-то драма, герой или рыцарь...

Он бросил том на письменный стол и, прищурившись, начал внимательно осматривать стены. На панели между книжным шкафом и шкафом с картами висели приборы: гигрометр, индикатор излучения, регистратор углекислого газа...

Он по очереди перевернул их. Никаких надписей. Впрочем, они вроде были новые.

Там, в углу!

Привинченное к дубовой плите, светилось табло радиографа. Таких уже не делают: смешные, отлитые из латуни украшения окружали диск... Пиркс быстро выдвинул шурупы, осторожно вытащил их кончиками пальцев, дернул рамку – она осталась у него в руке – и перевернул металлическую коробочку. Сзади, на золотистой латуни, было выгравировано одно слово: «КОРИОЛАН».

Это был тот самый корабль.

Он оглядел кабину. Значит, здесь, в этом кресле, тогда, в последний миг, сидел Момссен?

Пиркс открыл справочник Ллойда на букве «К». «Корсар»... «Кориолан»... Корабль Компании... 19 тысяч тонн массы покоя... выпущен с верфи... реактор ураново-водяной, система охлаждения... тяга... выведен на линию Земля – Марс. Потерян после столкновения с потоком Леонид. Спустя шестнадцать лет найден патрульным кораблем в афелии орбиты... После ремонта первой категории, проведенного в Амперс-Харт, выведен Южной компанией на линию Земля – Марс... Груз – мелкие товары... страховой тариф... Нет, не то... Есть!

... под названием «Голубая звезда».

Пиркс закрыл глаза. Как тут тихо. Изменили название. Наверно, чтобы избежать трудностей с вербовкой команды. Так вот почему агент...

Он стал припоминать, что говорили на Базе, – это их патрульный корабль отыскал остов «Кориолана». Метеоритные предупреждения в те времена всегда приходили слишком поздно. Опубликованное комиссией заключение было кратким: «Несчастный случай. Виновных нет». А экипаж? Было доказано, что не все погибли сразу; среди уцелевших оказался командир, и он сделал все, чтобы люди, отрезанные друг от друга секциями искореженных палуб, понимавшие, что надежды на спасение нет, не пали духом и держались до последнего баллона кислорода – до конца. Было еще что-то, какая-то жуткая подробность, о которой несколько недель твердила пресса, пока ее не заслонила новая сенсация. Что это было?

Вдруг он увидел огромный лекционный зал, доску, исчерченную формулами, у которой, весь измазанный мелом, терзается Смига, а он, Пиркс, склонив голову над выдвинутым ящиком стола, украдкой читает распластанную на дне газету. «Кто может пережить смерть? Только мертвый». Ну да! Точно! Лишь один уцелел в катастрофе, потому что не нуждался ни в кислороде, ни в пище и мог пролежать, придавленный обломками, шестнадцать лет – автомат!

Пиркс встал. Терминус! Наверняка, наверняка Терминус! Он тут, на корабле. Стоит только захотеть, решиться...

Чепуха! Механический идиот, машина для пломбирования пробоин, глухая и слепая от старости. Пресса в извечном стремлении выжать кричащими заголовками максимум сенсации из любого происшествия превратила его в таинственного свидетеля трагедии, которого комиссия якобы слушала при закрытых дверях. Пиркс припомнил тупой

скрежет автомата. Чепуха, явная чепуха!

Пиркс захлопнул судовой журнал, бросил в ящик и взглянул на часы. Восемь. Надо торопиться. Он отыскал документацию груза. Трюмы были уже задраены, портовый и санитарный контроль пройден, таможенные декларации подписаны – все готово. Он просмотрел товарный сертификат и удивился отсутствию полной спецификации.

Машины – ладно, но какие машины? Какая тара? Почему нет диаграммы загрузки с вычисленным центром тяжести? Ничего, кроме общего веса и схематичного эскиза размещения груза в трюмах. В кормовом отсеке всего 300 тонн – почему? Может, корабль ходит на уменьшенной тяге? И о таких вещах он узнает случайно, чуть ли не в последний момент?! Пиркс все торопливее рылся в папках, в скоросшивателях, разбрасывал бумаги, – но не мог найти ту, которую искал; история Момссена постепенно улетучивалась из памяти, – случайно взглянув на вынутый из оправы радиограф, он даже вздрогнул от удивления. В этот момент ему попался список, из которого он узнал, что в нижнем трюме, прилегающем дном к защитной плите реактора, уложено сорок восемь ящиков продовольствия. И опять в спецификации оказалось лишь общее определение: «скоропортящиеся пищевые продукты». Почему же их поместили там, где вентиляция хуже всего, а температура во время работы двигателей наиболее высокая? Нарочно, чтобы испортились, так, что ли?

Послышался стук.

– Войдите! – сказал он, как попало рассовывая в папки разбросанные по столу бумаги.

Вошли двое. С порога отрапортовали:

– Боман, инженер-атомник.

– Симс, инженер-электрик.

Пиркс встал. Симс – молодой, щуплый человечек с бегающими глазами на белищем лице – то и дело покашливал. В Бомане Пиркс с первого взгляда признал ветерана.

Его лицо покрывал загар с характерным оранжевым оттенком, какой придает коже длительное воздействие небольших, наслаивающихся доз космического облучения. Он едва доходил Пирксу до плеча: во времена, когда Боман начинал летать, еще принимался во внимание каждый килограмм веса на борту. Он был худ, но лицо казалось распухшим, под глазами темнели мешки, как у всех, кто не первый год подвергается сильным перегрузкам. Нижняя губа не закрывала зубов.

«Вот и я когда-нибудь буду так выглядеть», – подумал Пиркс, идя им навстречу и протягивая руку.

2

Ад начался в девять. На ракетодrome все шло как обычно: очередь на старт, каждые шесть минут бормотание мегафонов, сигнальные ракеты; потом гул, рев, грохот двигателей на пробе полной тяги. После каждого старта каскадами опадала высоко взбитая пыль. Она не успевала осесть, а с командной вышки сообщали, что путь

открыт. Все спешили, стараясь урвать хотя бы несколько минут, как всегда бывает в грузовом порту в часы пик; почти все корабли шли на Марс, отчаянно требовавший машин и зелени, – люди там месяцами не видели овощей, гидропонические солярии еще только строились.

К очередным ракетам тем временем подвозили краны, бетономешалки, части конструкций, кипы стекловаты, цистерны с цементом, нефтью, тюки с лекарствами. По сигналу люди укрывались кто где – в противолучевых рвах, в бронированных тягачах, но не успевал бетон остыть, как они опять возвращались к работе. В десять, когда солнце, все в дыму, красное, словно опухшее, поднялось над горизонтом, защитные бетонные стенки между стартовыми площадками были уже изрыты, закопчены, разъедены огнем. Глубокие трещины наспех заделывали быстро застывающим цементом, который грязными фонтанами бил из шлангов; антирадиационные команды в большеголовых скафандрах выскакивали из транспортеров и струями сжатого песка счищали радиационные загрязнения; повсюду под рев сирен метались разрисованные красно-черными шашечками вездеходы контроля. На башне командного пункта кто-то драл глотку в мегафон, на вершинах острых шпилей крутились огромные бумеранги радаров, – одним словом, все было так, как и должно быть.

Пиркс разрывался на части. Оставалось еще принять на палубу доставленное в последний момент свежее мясо, загрузить питьевую воду, проверить температуру холодильников (минимальная составляла минус пять, контролер СТП покачивал головой, но в конце концов смиловился и подписал); компрессоры, только что вышедшие из капитального ремонта, при первой же пробе потекли. Голос Пиркса постепенно уподоблялся иерихонской трубе. Вдруг выяснилось, что вода размещена плохо: какой-то кретин закрыл вентили прежде, чем заполнились нижние баки. Пиркс подписывал бумаги – ему подсовывали по пять штук сразу, – не зная, что подписывает.

На часах было одиннадцать, до старта час – и тут новости!

Командный пункт не разрешал взлет из-за чрезмерных радиоактивных осадков, которые дает старая система дюз, – у корабля должен быть вспомогательный бороводородный привод, как у «Гиганта» – грузовой ракеты, что стартовала в шесть, Пиркс, уже охрипший от крика, вдруг успокоился. Диспетчер отдает себе отчет в том, что говорит? Он что, только сейчас заметил «Голубую звезду»? Тут могут быть большие, очень большие неприятности. О чем идет речь? Дополнительная защита? Из чего? Мешки с песком? Сколько? Пустячок – три тысячи штук! Пожалуйста! Он все равно стартует в назначенное время. Компания будет оштрафована? Пожалуйста, штрафуйте!

Пиркс потел. Все будто сговорились: электрик ругал механика, который не проверил аварийную систему; второй пилот выбежал на пять минут, и до сих пор на корабле его нет – прощается с невестой; фельдшер вообще исчез; сорок бронированных мамонтов подъехали к кораблю, окружили его, и люди в черных комбинезонах бегом принялись таскать мешки с песком, семафор на командной вышке только и делал, что подгонял их; пришла какая-то радиограмма, вместо пилота ее принял электрик, забыл записать в радиожурнал, да это и не его дело. У Пиркса голова шла кругом, он только притворялся, будто понимает происходящее. За двадцать минут до старта Пиркс принял драматическое решение: приказал перекачать всю воду из

носовых резервуаров на корму. Будь что будет, самое худшее – вода закипит; зато устойчивость лучше.

В одиннадцать сорок проверка двигателей. Теперь отступать некуда. Оказалось, на корабле есть стоящие люди, особенно ему пришелся по вкусу инженер Боман – того не было ни видно, ни слышно, а все шло как часы: продувка дюз, малая тяга, полная. Второй пилот, мулат, возвратился от невесты в унылом настроении. Все уже лежали в креслах, когда объявился фельдшер. За шесть минут до взлета, когда командная вышка выкинула сигнал «К старту», они были готовы. Динамик ревел, хрипел, бормотал; наконец стрелка автомата замерла на нуле – путь открыт. Старт!

Пиркс, разумеется, знал, что 19 тысяч тонн – это не патрульная скорлупка, где места хватает только чтобы широко улыбнуться; корабль не блоха, сам не подскочит, надо давать тягу, но – ничего подобного он не ожидал. На циферблате половина мощности, весь корпус дрожит, грозя разлететься на куски, а индикатор нагрузки на опоры показывает, что они еще не оторвались от бетона. У Пиркса мелькнула мысль, что «Звезда» зацепилась за что-то, – говорят, такие вещи случаются раз в сто лет, – но в этот момент стрелка сдвинулась. Огненный столб поднял «Звезду», она дрожала, стрелка гравиметра как сумасшедшая плясала по шкале. Пиркс, вздохнув, откинулся в кресте, расслабил мускулы. Теперь он при всем желании ничего сделать не мог. Ракета шла вверх. Тут же они получили по радио предупреждение за старт на полной мощности – это увеличивает радиоактивное заражение. Компания будет дополнительно оштрафована. Компания? Очень хорошо, пусть платит, черт ее побери! Пиркс только поморщился, он даже и не пытался спорить с командным пунктом, доказывать, что стартовал на половинной тяге. Что ж теперь – садиться обратно, вызывать комиссию и требовать протокольного распечатывания записи в уранографах?

Впрочем, сейчас Пиркса занимало совсем другое – прохождение через атмосферу. В жизни он еще не летал на корабле, который бы так трясся. Подобные ощущения могли бы, наверное, испытывать люди в передней части средневекового тарана, пробивающего стену. Все кругом прыгало, их так мотало в ремнях, что душа вон, гравиметр никак не мог решиться: показывал то 3.8, то 4.9, бесстыдно подбирался к пятерке и, словно испугавшись, тут же слетал на тройку. Словно у них дюзы были набиты клецками. Они шли уже на полной мощности, и Пиркс обеими руками прижимал шлем к голове, иначе не слышал голоса пилота в шлемофоне – так редела «Звезда»! Это не был победный баллистический грохот. Ее борьба с земным притяжением напоминала агонию, полную отчаяния. Добрых две минуты казалось, что они не стартуют, а висят неподвижно, изо всех сил отталкивая от себя планету, – так ощутимы были мучительные усилия «Звезды»! Все будто расплылось от вибрации, и Пирксу показалось, что он слышит треск лопающихся швов, но это уже была чушь: в таком аду не услышать даже гласа труб, призывающих на Страшный суд.

Температура оболочки носа... о, это был единственный индикатор, который не колебался, не отступал, не прыгал и не задерживался, а спокойно лез вверх, словно перед ним был еще целый метр места на шкале, а не самые последние, красные цифры – 2500, 2800. Когда Пиркс взглянул туда, в запасе оставались всего две черточки. А «Звезда» не достигла даже орбитальной скорости; все, чего они добились к четырнадцатой минуте полета, – это 6.6 километра в секунду! Его вдруг ошеломила жуткая мысль, как в кошмаре, которые порой бывают у пилотов, – что «Звезда»

вообще не оторвалась от Земли, а мелькнувшие на экранах облака – попросту пар, бьющий из лопнувших охладительных труб! Но дело все же обстояло не так плохо: они летели. Фельдшер лежал белый как мел и страдал. Пиркс подумал, что от его медицинской помощи пользы будет мало. Инженеры держались хорошо, а Боман даже не вспотел – лежал себе с закрытыми глазами, седой, спокойный, худенький, как мальчишка. Из-под кресел, из амортизаторов летели брызги – поршни дошли почти до упора. Пиркса интересовало, что будет, если они и вправду дойдут.

Он привык к совершенно другому, современному расположению циферблатов, и потому взгляд его все время попадал не туда, когда он хотел проконтролировать тягу, охлаждение, скорость, состояние оболочки, и прежде всего, вышли ли они на синергическую.

Пилот, с которым они перекрикивались по внутренней связи, как будто немного растерялся: то выходил на курс, то сходил с него; колебания, разумеется, небольшие, дробные, но при пробивании атмосферы достаточно, чтобы один борт начал нагреваться сильнее другого и на обшивке возникли колоссальные термические напряжения, – последствия могут быть ужасными. Пиркс себя утешал, что, если уж эта косматая скорлупина выдержала столько стартов, она выдержит и этот.

Стрелка термопары дошла до конца шкалы: 3500 градусов – ровно столько у них было снаружи; если ничего не сменится, то через десять минут оболочка начнет расплзаться – карбиды тоже не вечны. Какова толщина обшивки? Показатели отсутствовали; во всяком случае, она порядком обгорела. Пирксу становилось жарко, но только от переживаний – внутренний термометр, как и при старте, показывал двадцать семь градусов. Они поднялись на шестьдесят километров, атмосфера практически осталась внизу, скорость 7,4 километра в секунду. Шли немного ровнее, но почти на тройном ускорении – «Звезда» двигалась, как свинцовая болванка. Казалось, никакими средствами ее не разогнать как следует – даже в пустоте. Почему? Пиркс понятия не имел.

Спустя полчаса они вышли на курс «Арбитра» – за этим последним из пеленгующих спутников предстояло выйти на трассу Земля – Марс. Все выпрямились в креслах. Боман массировал лицо. Пиркс чувствовал, что и у него немного набрякли губы, особенно нижняя. У других глаза налились кровью, опухли, они сухо кашляли, хрипели, но это было нормально и обычно проходило через час. Реактор работал так себе. Правда, тяга не уменьшилась, но и не возросла, хотя в пустоте должна была увеличиться, – этого почему-то не происходило. Законы физики, похоже, были для «Звезды» не столь обязательны. Ускорение было почти нормальным, земным, скорость – 11 километров в секунду. Предстоял еще разгон до нормальной крейсерской скорости, чтобы не тащиться до Марса целые месяцы. Пока они шли прямо на «Арбитр».

Пиркс, как всякий навигатор, ждал от «Арбитра» одних только неприятностей: или заметят слишком длинный, недозволенный инструкцией выхлопной огонь, или помехи радиоприему из-за ионизационных разрядов в дюзах, а может быть, потребуют, чтобы Пиркс переждал, пока пропустят какой-то более важный корабль. Но на этот раз ничего не случилось. «Арбитр» пропустил их сразу и еще послал вдогонку радиограмму: «Глубокого вакуума». Пиркс ответил, и на этом обмен космическими любезностями окончился.

Они легли на курс. Пиркс приказал увеличить тягу, ускорение возросло, теперь можно было двигаться, размяться, встать. Радиотехник, выполнявший одновременно обязанности кока, пошел в камбуз. Всем хотелось есть, особенно Пирксу, который с утра ничего не ел, а при старте изрядно попотел. В рубке повышалась температура – внутрь с опозданием проникал жар раскаленной обшивки. Пахло жидким маслом, вытекшим из гидравликов и разлившимся лужицами вокруг кресел.

Боман спустился к реактору проверить, нет ли нейтронной течи. Пиркс наблюдал за звездами и разговаривал с электриком. Оказалось, у них есть общие знакомые. У Пиркса впервые с того момента, как он ступил на палубу, немного полегчало на душе. Какая уж она ни есть, эта «Звезда», а 19 тысяч тонн – не фунт изюму. Вести такой гроб гораздо труднее, чем обычную грузовую ракету, а стало быть, и чести больше, и опыт накапливается.

В полутора миллионах километров за «Арбитром» на них обрушился первый удар: пообедать не удалось. Кок-радиотехник бессовестно подвел. Больше всех скандалил фельдшер; оказалось, у него больной желудок, перед самым стартом он купил несколько кур и одну отдал радиотехнику, – теперь в бульоне полно перьев. Остальным достались бифштексы – с ними можно было провозиться до второго пришествия.

– Закаленные они, что ли? – сказал второй пилот и так ткнул вилкой бифштекс, что он выпрыгнул из тарелки.

Нечувствительный к насмешкам радиотехник посоветовал фельдшеру процедить бульон. Пиркс чувствовал, что должен вмешаться в их спор, но не знал, как это сделать. Ему было смешно.

Пообедав консервами, Пиркс вернулся в рубку. Приказал пилоту провести контрольное фиксирование звезд, вписал в судовой журнал показания гравиметров, взглянул на циферблаты реактора и аж присвистнул. Не реактор, а вулкан: кожух разогрелся до восьмисот градусов – и это через четыре часа полета! Криоген циркулировал под максимальным давлением – двадцать атмосфер. Пиркс задумался. Самое худшее как будто уже позади. Посадка на Марсе не проблема – притяжение наполовину меньше, атмосфера разреженная. Как-нибудь сядем. А вот с реактором надо что-то делать. Он подошел к Вычислителю и подсчитал, сколько еще идти с такой тягой, чтобы набрать крейсерскую скорость. При скорости меньше 80 километров получится громадное опоздание.

Семьдесят восемь часов – ответил Вычислитель.

За семьдесят восемь таких часов реактор взорвется. Лопнет как яйцо. В этом Пиркс не сомневался. Он решил набирать скорость рывками, понемногу. Правда, это несколько усложнит курс, к тому же временами придется лететь без тяги и, значит, без гравитации, а это не так уж приятно. Другого выхода, однако, не было. Он приказал пилоту не сводить глаз с астрокомпаса, а сам съехал на лифте вниз, к реактору. Идя полутемным коридором через грузовые трюмы, он услышал приглушенный грохот, будто по железным плитам двигался целый отряд. Пиркс ускорил шаги. Вдруг под ногами у него черной полосой метнулся кот, и сразу где-то рядом хлопнула дверь. Когда он добрался до освещенного грязными лампами главного

коридора, все уже утихло. Перед ним была пустота почерневших стен, и только в глубине какая-то лампочка вздрагивала от недавнего сотрясения.

– Терминус! – крикнул Пиркс наугад.

Ответило только эхо. Он вернулся и по бортовому переходу добрался до тамбура реактора. Бомана, который спустился сюда раньше, уже не было. Иссушенный воздух жег глаза. В воронках вентиляторов бушевал горячий ветер, шумело и гудело, как в паровой котельной. Реактор, как и полагается реактору, работал беззвучно – выли работавшие с предельной нагрузкой агрегаты охлаждения. Километры замурованных в бетон труб, по которым бежала ледяная жидкость, издавали странные бормочущие стоны, будто жаловались на что-то. Стрелки помп за чечевицами стекол дружно склонились вправо. Среди циферблатов светился как месяц, самый важный – отмечающий плотность потока нейтронов. Стрелка почти касалась красной черты – картина, которая любого инспектора СТП могла довести до инфаркта.

Шероховатая от цементных латок, похожая на скалу бетонная стена полыхала мертвенным жаром, плиты помоста слегка вибрировали, передавая телу неприятную дрожь, свет ламп маслянисто расплывался в мигающих дисках вентиляторов; одна из белых сигнальных ламп заморгала, потом погасла; вместо нее вспыхнул красный сигнал. Пиркс спустился под помост, где находились выключатели, но оказалось, что Боман опередил его: таймер был установлен на разрыв цепной реакции через четыре часа. Пиркс не тронул его, только проверил счетчики Гейгера. Они спокойно тикали. Индикатор показывал небольшую утечку – 0.3 рентгена в час. Пиркс заглянул в темный угол камеры. Там было пусто.

– Терминус! – крикнул он. – Эй! Терминус!

Ответа не было. В клетках белыми пятнышками беспокойно металась мышь: видно, они плохо себя чувствовали в этой поистине тропической жаре. Пиркс вернулся наверх, запер за собой дверь. В холодном коридоре его зазнобило – рубашка была мокрой от пота. Сам не зная зачем, Пиркс побрел по темным, сужающимся в конце коридорам кормы, пока путь не преградила глухая стена. Он прикоснулся к ней ладонью. Стена была теплая. Пиркс вздохнул, пошел обратно, поднялся на четвертую палубу в навигаторскую и принялся вычерчивать курс. Когда он с этим управился, часы показывали девять. Пиркс удивился: он не заметил, как пролетело время. Потушил свет и вышел. Входя в лифт, он почувствовал, что пол мягко уходит из-под ног: автомат в соответствии с программой выключил реактор.

В слабо освещенном ночными лампами коридоре средней части корабля мерно шумели вентиляторы. Свет, казалось, дрожал в сталкивающихся потоках воздуха. Пиркс слегка оттолкнулся от двери лифта и поплыл вперед. В боковом отсеке коридора было еще темнее. В голубоватом сумраке он проплывал мимо дверей кают, в которые до сих пор так и не удосужился заглянуть. Выходы резервных люков, обозначенные рубиновыми лампочками, чернели своими воронками. Плавно, будто во сне, двигался он под выгнутыми сводами, распластавшись над своей огромной тенью, пока не вплыл через приоткрытые двери в большую, необжитую кают-компанию. Под ним в полосе света ряды кресел обступали длинный стол. Пиркс повис над столом, словно водолаз, исследующий трюмы затонувшего корабля. В слабо поблескивающих стеклах затанцевали отражения ламп, рассыпались голубыми огоньками и погасли. За кают-

компанией открывалось другое, еще более темное помещение – даже привыкшие к темноте глаза Пиркса ничего не могли разглядеть. Он кончиками пальцев коснулся эластичной поверхности, не зная, потолок это или пол. Слегка оттолкнулся, развернулся, как пловец, и бесшумно двинулся дальше. В бархатной черноте мерцали, отсвечивая, продолговатые, расставленные в ряд предметы. Он почувствовал холод гладкой поверхности – умывальники. Ближайший был в черных пятнах. Кровь? Пиркс осторожно попробовал рукой – тавот.

Еще одна дверь. Пиркс, остановившись в воздухе, открыл ее. В сером полумраке перед его лицом возникли призрачным хороводом какие-то бумаги, книги и, слабо прошелестев, исчезли. Он снова оттолкнулся, на этот раз ногами, и, окруженный клубами пыли, которая не оседала, а тянулась за ним рыжим шлейфом, вынырнул через открытую дверь в коридор.

Цепочка ночных огней горела не мигая – казалось, голубая вода залила палубы. Он подплыл к протянутому под потолком тросу. Петли, когда он выпускал их из рук, медленно извивались, словно разбуженные прикосновением.

Пиркс насторожился. Где-то неподалеку послышался стук: кто-то бил молотком по металлу. Пиркс поплыл на этот звук, то нараставший, то гаснущий, и наконец увидел! вделанные в пол ржавые рельсы, по которым когда-то доставлялись в главные трюмы грузовые платформы. Теперь он летел быстро, чувствуя, как воздух обтекает лицо. Звук становился все громче. Под потолком Пиркс заметил дюймовую трубу, выходящую из поперечного коридора, – старую линию трубопровода. Пиркс дотронулся до нее – труба задрожала. Удары соединялись в группы, по два, по три. Вдруг он понял. Морзянка!

– Внимание...

Три удара.

– Внимание...

Три удара.

– Я-з-а-п-е-р-е-б-о-р-к-о-й, – грохотала труба.

Буквы лепились одна к другой.

– Л-е-д-в-е-з-д-е...

Лед? Он сначала не понял. Какой лед? Что это значит? Кто...

– К-о-н-т-е-й-н-е-р – л-о-п-н-у-л, – отозвалась труба.

Пиркс не снимал с нее ладони. Кто передает? Откуда? Он попытался себе представить, как идет трубопровод. Это был аварийный канал, он шел с кормы и имел ответвления на всех горизонтах. Кто это упражняется! Что за идея! Пилот?

– П-р-а-т-т – о-т-з-о-в-и-с-ь – П-р-а-т-т...

Пауза.

У Пиркса перехватило дух. Это имя поразило его как удар. Какое-то мгновение он расширенными глазами смотрел на трубу, потом бросился вперед. «Это второй пилот», – подумал он. Добрался до поворота, оттолкнулся и, набирая скорость, полетел в рубку, а труба звенела над ним:

– В-а-й-н – э-т-о – С-и-м-о-н...

Звуки стали удаляться. Он потерял трубу из вида – она свернула в поперечный коридор. Пиркс резко оттолкнулся от стены, влетел в коридор и сквозь облако пыли разглядел колено и глухой конец трубы, заделанный ржавой заглушкой. Труба кончалась тут – она не шла в рубку. Значит.., значит, это с кормы? Но... там... никого нет...

– П-р-а-т-т – в – ш-е-с-т-о-м – в – п-о-с-л-е-д-н-е-м... – звенела труба.

Пиркс, словно летучая мышь, висел под потолком, вцепившись в трубу согнутыми пальцами. Кровь стучала в висках. После короткой паузы снова послышались удары:

– ...б-а-л-л-о-н-е – о-с-т-а-л-о-с-ь – т-р-и-д-ц-а-т-ь – д-о – н-у-л-я...

Три удара.

– М-о-м-с-с-е-н – о-т-з-о-в-и-с-ь – М-о-м-с-с-е-н...

Пиркс огляделся. Было совсем тихо, только заслонка вентилятора хлопала за поворотом под порывами ветра, и выдуваемый мусор, лениво кружась, тянулся вверх, отбрасывая тени на потолок, словно там целыми роями носились большие нескладные ночные бабочки. Вдруг посыпались стремительные удары:

– П-р-а-т-т – П-р-а-т-т – П-р-а-т-т – М-о-м-с-с-е-н – н-е – о-т-в-е-ч-а-е-т – в – с-е-д-ь-м-о-м – е-с-т-ь – к-и-с-л-о-р-о-д – м-о-ж-е-ш-ь – л-и – п-р-о-й-т-и – п-р-и-е-м...

Пауза. Свет ламп не менялся, мусор и пыль медленно кружились. Пиркс хотел отпустить трубу, но не мог – ждал. Труба зазвучала:

– С-и-м-о-н – М-о-м-с-с-е-н-у – П-р-а-т-т – в – ш-е-с-т-о-м – з-а – п-е-р-е-б-о-р-к-о-й – с – п-о-с-л-е-д-н-и-м – б-а-л-л-о-н-о-м – М-о-м-с-с-е-н – о-т-з-о-в-и-с-ь – М-о-м-с-с-е-н...

Последний тяжелый удар. Труба долго вибрировала. Пауза. Потом несколько непонятных ударов и быстрая дробь:

– С-л-а-б-о – д-о-х-о-д-и-т – с-л-а-б-о – д-о-х-о-д-и-т...

Тишина.

– П-р-а-т-т – о-т-з-о-в-и-с-ь – П-р-а-т-т – п-р-и-е-м...

Труба дрогнула. Словно совсем издалека доходили отрывистые удары.

Три точки, три тире, три точки – SOS. Каждый следующий удар был слабее. Еще два тире, еще одно. И протяжный замирающий звук, словно кто-то скреб или царапал трубу. Это можно было услышать лишь в такой абсолютной тишине.

Пиркс оттолкнулся и головой вперед полетел вдоль трубы – сворачивал вслед за ней, поднимался, опускался, рассекая головой воздух. Открытая шахта. Наклонный спуск. Сужающиеся коридоры. Одни, вторые, третьи ворота грузовых отсеков. Стало темнее. Боясь потерять трубу, он скользил по ней пальцами – черная затвердевшая грязь обдирала ладони. Палубы остались позади, он находился в помещении без полов и потолков, отделяющем внешнюю оболочку от трюмов; между поперечными балками темнели распухшие тела резервных баков, сверху кое-где пробивались пыльные полосы света. Он посмотрел вверх и увидел в черной шахте две цепочки ламп, свет которых казался рыжим от пыли, тянувшейся за Пирксом длинным облаком как дым невидимого пожара. Воздух тут был затхлый, душный, пахло нагретым железом. Пиркс парил среди еле заметных металлических конструкций, а труба протяжно звенела:

– П-р-а-т-т – о-т-з-о-в-и-с-ь – П-р-а-т-т...

Трубопровод разветвлялся. Пиркс зажал руками оба отростка, чтобы определить, откуда идет звук, но так и не разобрал. Наугад свернул влево. Какой-то люк. Сужающийся, черный как уголь туннель. В конце – круг света. Пиркс выскочил из туннеля и оказался в тамбуре реакторной.

– Э-т-о – В-а-й-н – П-р-а-т-т – н-е – о-т-в-е-ч-а-е-т... – звенел труба, когда он открывал первые двери. В лицо ударил горячий воздух. Пиркс поднялся на помост. Выли компрессоры. Теплый ветер растрепал ему волосы. Он видел сбоку бетонную стену реактора; светились циферблаты, красными каплями дрожали огоньки сигналов.

– С-и-м-о-н – В-а-й-н-у – с-л-ы-ш-у – М-о-м-с-с-е-н-а – п-о-д-о – м-н-о-й, – грохотала труба рядом с ним. Она выходила из стены и дугой спускалась вниз до соединения с главным трубопроводом.

Перед развилкой, раскорячившись, стоял Терминус и делал молниеносные движения, будто боролся с невидимым противником. Полными горстями он швырял цементное тесто, расплющивал хлопками, придавал форму и переходил к следующему отрезку – тогда наступала пауза. Пиркс вслушался в ритм его работы. Ходящие шатунами руки выстукивали:

– М-о-м-с-с-е-н – б-р-о-с-ь – ш-л-а-н-г – П-р-а-т-т – т-е-р-я-е-т – к-и-с-л-о-р-о-д...

Терминус застыл с поднятыми руками, повиснув в воздухе напротив собственной, почти человеческой тени. Его квадратная голова наклонялась то вправо, то влево: он проверял следующее соединение. Наклонился. Сложив ладони совком, набрал цемент. Замахнулся. Руки вошли в ритм – труба задрожала от ударов:

– Н-е – о-т-в-е-ч-а-е-т – н-е – о-т-в-е-ч-а-е-т...

Пиркс перевесил ноги через перила и плавно спустился вниз.

– Терминус! – крикнул он, еще не коснувшись пола.

– Слушаю, – тотчас ответил автомат. Его левый глаз повернулся к человеку, правый продолжал ходить в орбите, следя за руками, которые облепляли трубу цементом, выбивая:

– П-р-а-т-т – о-т-з-о-в-и-с-ь – П-р-а-т-т – п-р-и-е-м...

– Терминус! Что ты стучишь?! – крикнул Пиркс.

– Утечка. Четыре десятых рентгена в час. Заделываю места утечек, – глухим басом ответил автомат, а его руки одновременно отбивали:

– Э-т-о – В-а-й-н – М-о-м-с-с-е-н – о-т-з-о-в-и-с-ь – М-о-м-с-с-е-н...

– Терминус! – снова крикнул Пиркс, глядя то на металлическое лицо со скошенным на него левым глазом, то на мелькающие металлические ладони.

– Слушаю, – так же монотонно повторил автомат.

– Что ты... передаешь морзянкой?

– Заделываю утечки, – ответил низкий голос.

– С-и-м-о-н – В-а-й-н-у – и – П-о-т-т-е-р-у – П-р-а-т-т-а – н-о-л-ь – М-о-м-с-с-е-н – н-е – о-т-в-е-ч-а-е-т... – гремело железо под его мелькающими руками.

Тяжелое цементное тесто расплющивалось, стекало, руки подхватывали его, прищелпывали, прижимали к закругленной поверхности. На какой-то момент поднятые вверх руки застыли, потом автомат наклонился, набрал новую порцию цемента; посыпалась лавина стремительных ударов:

– М-о-м-с-с-е-н – М-о-м-с-с-е-н – М-о-м-с-с-е-н – о-т-з-о-в-и-с-ь – М-о-м-с-с-е-н – М-о-м-с-с-е-н – М-о-м-с-с-е-н – М-о-м-с-с-е-н...

Ритм бешено ускорялся, трубопровод дрожал и стонал под градом ударов, это походило на бесконечный крик.

– Терминус! Перестань! – Пиркс бросился вперед и схватил автомат за покрытые маслом локти – они выскользнули у него из рук. Терминус замер, напрягшись. Было слышно только протяжное чавканье помп за бетонной стеной.

Корпус автомата лоснился, залитый маслом, – оно стекало по его столбообразным ногам. Пиркс отступил.

– Терминус... – проговорил он тихо, – что ты... – И осекся.

Металлические ладони с громким лязгом сомкнулись. Они потерлись друг о друга, сдирая остатки присохшего цемента, которые не упали вниз – затанцевали в воздухе, расплываясь, как круги дыма.

– Что ты... делал? – спросил Пиркс.

– Заделываю утечки. Четыре десятых рентгена в час. Можно продолжать?

– Ты выстукивал морзянкой. Что ты передавал?

– Морзянкой, – монотонно повторил автомат и добавил: – Не понимаю. Можно заделывать дальше?

– Можно, – буркнул Пиркс, глядя на огромные, медленно распрямляющиеся руки. – Да, можно...

Пиркс ждал. Терминус отвернулся от него. Он набрал левой рукой цемент и молниеносным движением бросил на стену. Укрепил, расплющил, разгладил – три удара. Теперь правая рука поспешила к левой, и труба забубнила:

– П-р-а-т-т – л-е-ж-и-т – в – ш-е-с-т-о-м...

– М-о-м-с-с-е-н...

– О-т-з-о-в-и-с-ь – М-о-м-с-с-е-н..,

– Где Пратт?! – дико крикнул Пиркс.

Терминус, железные руки которого мелькали в свете ламп, как блестящие полосы, тотчас ответил:

– Не знаю.

Одновременно он выстукал с такой скоростью, что Пиркс едва успел разобрать:

– П-р-а-т-т – н-е-о-т-в-е-ч-а-е-т...

И тут случилось что-то странное. На серию, отбиваемую правой рукой, наложилась другая, гораздо более слабая, – ее выстукивали пальцы левой. Сигналы перемешались, и несколько секунд трубопровод дрожал от грома двойных ударов, из которых вынырнула замирающая серия:

– М-р-з-н-у-т-р-у-к-и – н-е-м-г-у – у-ж...

– Терминус... – одними губами прошептал Пиркс, отступая к металлическим ступеням. Автомат не слышал. Его туловище, лоснящееся от масла, подрагивало в такт движениям рук. Даже не слушая, по одним отблескам маслянистого металла Пиркс мог прочесть:

3

Пиркс лежал на спине. Тьма в его глазах роилась блестками.

Пратт шел в глубь корабля. Так? У него кончился кислород. Те двое не могли ничем помочь. А Момссен? Почему он не отвечал? Может, был уже мертв? Нет, Симон его слышал. Он был где-то близко, за стеной. За стеной? Значит, в помещении Момссена был воздух. Иначе Симон ничего бы не слышал. Что он слышал? Шаги? Почему они его вызывали? Почему он не отвечал?

Разбитые на точки и тире голоса агонии. Терминус. Как это случилось? Его нашли под грудой обломков на дне камеры. Наверное, в том месте, где трубопровод выходил наружу. Заваленный обломками, он мог слышать людей. Почему, ведь тяжести не было? Что мешало ему двигаться? Пожалуй, холод. Автоматы не могут двигаться при очень низкой температуре. Масло застывает в суставах. Жидкость в гидравлике замерзает и разрывает маслопроводы. Действует только металлический мозг – только мозг. Он мог слышать и фиксировать слабеющие сигналы; они сохранились в электронных витках его памяти, словно это было вчера. А сам он ничего не знает? Как так может быть? Не знает, что сигналы накладывают отпечаток на ритм его работы? Может, он лжет? Нет, автоматы не лгут.

Усталость заливала Пиркса, как черная вода. Может, не полагалось это слушать? Было в этом что-то мерзкое – наблюдать агонию, запечатленную во всех подробностях, следить за ее развитием, чтобы потом анализировать каждый сигнал, мольбу о кислороде, крик. Этого нельзя делать, если не можешь помочь. Сознание его помутилось, он не знал, о чем думает, но все еще беззвучно повторял одними губами, словно возражал кому-то:

– Нет. Нет. Нет.

Потом не было уже ничего.

Очнулся он в полной темноте. Хотел сесть, но пристегнутое ремнями одеяло не пустило. Он на ощупь управился с ремнями, зажег свет. Двигатели работали. Пиркс набросил халат. Несколько раз согнул колени, оценивая ускорение. Тело весило больше ста килограммов. Полтора g примерно? Ракета меняла курс, он явственно ощущал вибрацию; встроенные шкафы протяжно, предостерегающе скрипели, дверцы одного из них открылись, гневно каркая; все незакрепленные предметы, одежда, ботинки понемногу перемещались в сторону кормы, словно объединенные каким-то тайным, неожиданно вдохнувшим в них жизнь намерением.

Пиркс подошел к шкафчику внутренней связи, открыл дверцу. Внутри стоял аппарат, похожий на старинный телефон.

– Рубка! – крикнул Пиркс в микрофон и поморщился от звука собственного голоса – так болела голова. – Говорит первый. Что там?

- Поправка курса, капитан, – ответил далекий голос пилота, – нас чуточку снесло.
- Сколько?
- Ше... семь секунд.
- Как реактор? – нетерпеливо спросил он.
- Шестьсот двадцать в кожухе.
- А в трюмах?
- Бортовые по пятьдесят два, килевые – сорок семь, кормовые – двадцать девять и пятьдесят пять.
- Какое отклонение, Мунро?
- Семь секунд.
- Допустим, – ответил Пиркс и бросил трубку.

Пилот, разумеется, соврал. Для семисекундной поправки не требовалось таких ускорений. Отклонение от курса он оценил в несколько градусов.

Дьявольски греются эти трюмы. Что в кормовом? Продукты? Он сел за письменный стол.

«Голубая звезда» Земля – Марс. Владельцу корабля. Реактор нагревает груз. Нет спецификации груза на корме. Прошу указаний. Навигатор Пиркс».

Пиркс еще писал, когда двигатели смолкли и сила тяжести исчезла, – нажав на карандаш, он вдруг взлетел в воздух. Нетерпеливо оттолкнулся от потолка, опять уселся в кресло и перечитывает радиограмму. Подумав, разорвал листок и сунул клочки в ящик.

Сонливость прошла совершенно, осталась только головная боль. Одеваться не хотелось: в невесомости это оборачивалось сложной процедурой, состоящей из серии неуверенных скачков и возни с отдельными частями туалета. Пиркс выплыл из каюты, как был, – в халате поверх пижамы.

Голубизна ночного освещения скрадывала плачевное состояние внутренней обшивки. В четырех ближайших нишах зияли чернотой выходы мерно дышащих вентиляционных каналов, валявшийся повсюду мусор стягивался к ним словно ил, увлекаемый подводным течением.

Бесконечная тишина заполняла корабль. Вслушиваясь в нее, почти без движения повиснув перед своей огромной тенью, которая наискось лежала на стене, Пиркс прикрыл глаза. Случалось, люди засыпали в таком положении, а это небезопасно: любой импульс двигателей для маневра мог швырнуть беззащитное тело на пол или потолок. Пиркс не слышал ни вентиляторов, ни ударов своего пульса. Ему казалось, ночную

тишину корабля он может отличить от любой другой. На Земле ощущаются какие-то границы тишины, ее недолговечность, краткость; среди лунных гор человек несет с собой собственное маленькое молчание, запертое в скафандре, но усиливает каждый скрип ремней, каждый хруст суставов, даже дыхание и удары пульса.

Только корабль ночью растворяется в черном ледяном безмолвии.

Пиркс поднес часы к глазам. Скоро три. «Если так пойдет и дальше – мне конец». Он оттолкнулся от выпуклой переборки и, словно гасящая скорость птица, раскинув руки, спланировал на порог каюты. Издалека, будто из железного подземелья, до него долетел еле слышный звук:

– Банг-банг-банг...

Три удара.

Чертыхнувшись, он захлопнул дверь, снял халат и, не глядя, швырнул его в воздух; халат медленно вздулся и, словно гротескный призрак, поплыл вверх. Пиркс погасил свет, лег, накрыл голову подушкой.

– Идиот! Проклятый железный идиот! – повторял Пиркс, зажмурившись и дрожа от непонятной ярости. Но усталость быстро взяла верх: незаметно он снова уснул.

Пиркс открыл глаза около семи. Еще в полусне поднял руку. Она не упала – тяжести не было. Пиркс оделся. Направляясь в рубку, невольно прислушался. Было тихо.

Перед дверями он задержался. На матовых стеклах лежали зеленоватые, словно под водой, отблески радарных экранов. Внутри был полумрак. Плоские полосы дыма плавали перед экранами. Слышалось слабое треньканье – какая-то земная музыка, ее перебивали космические помехи. Пиркс сел позади пилота, ему не хотелось даже проверять гравиметрические записи.

– Когда включите тягу?

Пилот был догадлив.

– В восемь. Но, если хотите вымыться, капитан, могу дать сейчас. Разницы никакой.

– Э, нет. Пусть уж будет порядок, – буркнул Пиркс.

Наступило молчание, только в динамике жужжала однообразная механическая мелодия. Пиркса опять стало клонить в сон. Временами он погружался в дремоту, и тогда из тьмы выползали большие зеленые кошачьи глаза. Пиркс моргал, глаза превращались в светящиеся циферблаты; он балансировал на грани яви и сна, когда динамик вдруг захрипел и произнес:

– Говорит Деймос. Семь тридцать. Передаем еженедельную метеоритную сводку для внутренней зоны. Под влиянием гравитационного поля Марса в потоке Драконид, уже покинувшем сферу Пояса, возникло краевое завихрение. Сегодня оно будет проходить через секторы 83, 84 и 87. Метеоритная станция Марса оценивает размеры

облака в четыреста тысяч кубических километров. В связи с этим секторы 83, 84 и 87 объявляются закрытыми для навигации до особого сообщения. Передаем состав облака, полученный нами непосредственно с баллистических зондов Фобоса. По последним данным облако состоит из микрометеоритов классов X, XY, Z...

– Хорошо, что это нас не касается, – заметил пилот, – я только что позавтракал, представляете, каково сейчас было бы давать полный ход!

– Сколько мы делаем? – спросил, вставая, Пиркс.

– Больше пятидесяти.

– Да? Неплохо, – буркнул Пиркс.

Он проверил курс, записи уранографов, величину утечки – она держалась на одном уровне – и пошел в каюткомпанию. Там уже сидели оба офицера. Пиркс ждал, не заговорит ли кто-нибудь о ночных стуках, но разговор все время вертелся вокруг тиража лотереи, которого с нетерпением дожидался Симс. Он рассказывал о коллегах и знакомых, которым посчастливилось выиграть.

Позавтракав, Пиркс направился в навигаторскую, чтобы вычертить пройденный отрезок пути. Но вскоре он воткнул циркуль в доску, вытащил из ящика судовой журнал и отыскал состав последнего экипажа «Кориолана».

«Офицеры: Вайн и Пратт. Пилоты: Нолан и Поттер. Механик: Симон...» Пиркс сосредоточенно глядел в размашистый почерк командира. Потом бросил журнал в ящик,

закончил чертеж и, захватив рулон, отправился в рубку. Через полчаса он точно рассчитал время прибытия на Марс. На обратном пути заглянул через стеклянную дверь в каюткомпанию. Офицеры играли в шахматы, фельдшер сидел у телевизора с электрогрелкой на животе. Пиркс заперся в каюте и просмотрел радиограммы, взятые у пилота. Он не заметил, как его сморил сон. Несколько раз ему казалось сквозь дремоту, будто включились двигатели, и он силился проснуться, но не просыпался, а лишь видел во сне, как встает, идет в рубку, находит ее пустой и в поисках кого-нибудь из команды начинает плутать по лабиринту черных как уголь кормовых коридоров. Очнувшись Пиркс за столом, весь в поту, злой, потому что понимал, какая предстоит ночь после стольких часов дневного сна. Когда под вечер пилот включил двигатели, он воспользовался этим и принял горячую ванну. Освежившись, пошел в кают-компанию, выпил приготовленный радиотехником кофе и по телефону спросил вахтенного о температуре реактора. Она приближалась к тысяче градусов, но еще не дошла до критической. Около десяти его вызвала рубка: они прошли мимо какого-то корабля, который спрашивал, нет ли у них врача. Пиркс, узнав, что речь идет об остром приступе аппендицита, счел за благо не предлагать своего медика, тем более что за ними в каких-нибудь трех миллионах километров шел большой пассажирский корабль, выразивший готовность застопорить ход и выслать врача.

День прошел вяло, без происшествий. В одиннадцать белый свет сменился на всех палубах, за исключением рубки и камеры реактора, тлением голубоватых ночных ламп. В каюткомпании чуть ли не до полуночи горела лампочка над шахматной доской. Там

сидел Симс и играл сам с собой. Пиркс пошел проверить температуру в донных трюмах и по дороге наткнулся на возвращавшегося от реактора Бомана. Инженер был настроен неплохо: утечка не возрастала, охлаждение работало вполне исправно.

Боман попрощался и оставил Пиркса в пустом холодном коридоре. Слабая струя воздуха тянулась вверх, остатки пропыленной паутины, окружавшей вентиляционные окна, беззвучно трепетали. Пиркс долго ходил по коридору, соединяющему главные трюмы, под его сводами, высокими, как в церкви.

Двигатели смолкли за несколько минут до полуночи. С разных концов корабля до него долетели резкие и приглушенные, удаляющиеся и слабеющие звуки. Это незакрепленные предметы, продолжая двигаться с ускорением, ударились о стены, потолки, полы. Эхо ударов наполнило вдруг оживший корабль, еще мгновение дрожало в воздухе, потом угасло, и снова наступила тишина, подчеркнутая мерным шумом вентиляторов.

Пиркс вспомнил, что в навигаторской ящик стола покоробился, и в поисках стамески спустился по длинному, узкому, как кишка, коридору между трюмом левого борта и кабельным туннелем на склад – пожалуй, самое пыльное место на корабле. Вдобавок пыль, окутавшая его с ног до головы, не оседала, и он, едва не задохнувшись, ощупью добрался до выхода. Пиркс был уже почти в центре корабля, когда в коридоре раздались шаги. Тяжести не было – идти мог только автомат. Действительно, звонким шагам сопутствовало хлопанье прилипающих к полу магнитных присосок. Пиркс подождал, пока в проходе не появился черный на фоне далеких ламп силуэт. Терминус шел, неуверенно раскачиваясь и широко размахивая руками.

– Эй, Терминус! – крикнул Пиркс, выходя из тени.

– Слушаю.

Тяжелая фигура остановилась, корпус по инерции наклонился вперед, качнулся и медленно вернулся в вертикальное положение.

– Что ты тут делаешь?

– Мыши, – ответил голос из-за грудного щита – казалось, из кольчатого панциря говорит охрипший карлик. – Мыши спят беспокойно. Просыпаются. Бегают. Хотят пить. Если хотят пить, им надо дать воды. Мыши много пьют, когда высокая температура.

– А ты что делаешь? – спросил Пиркс.

– Высокая температура. Хожу. Всегда хожу, если высокая температура. Воду мышам. Если выпьют и уснут – хорошо. Часты ошибки из-за высокой температуры. Наблюдаю. Выхожу, возвращаюсь к реактору. Воду мышам...

– Ты несешь воду мышам? – спросил Пиркс.

– Да. Терминус.

– А где вода?

Автомат еще дважды повторил «высокая температура», и снова казалось, что в нем спрятан человек, потому что Терминус в недоумении стал быстро и как-то беспомощно подносить руки к глазам, объективы которых задвигались в глазницах, следя за металлическими ладонями. Он проговорил:

– Нет воды. Терминус.

– Где же она? – настаивал Пиркс.

Прищурившись, он наблюдает за возвышающимся над ним роботом, который издал несколько нечленораздельных звуков и неожиданно изрек басом:

– За... Забыл.

Пиркс растерялся – так беспомощно это прозвучало. С минуту, наверно, он глядел на слегка покачивающийся стальной корпус.

– Забыл, да? Иди к реактору. Возвращайся. Слышишь?

– Слушаю.

Терминус заскрежетал, сделал разворот на месте и стал удаляться тем же слишком твердым, одеревенелым, будто старческим шагом. На повороте он споткнулся, тяжело взмахнул руками, восстанавливая равновесие, и исчез в боковом проходе. Еще какое-то время слышалось эхо его шагов. Пиркс хотел вернуться к себе, потом раздумал и, бесшумно плывя над полом, добрался до шестого вентиляционного колодца. Передвижение по колодцам было запрещено даже при выключенных двигателях, но он пренебрег запретом. Сильно оттолкнулся от ограждения и за десять секунд пролетел семь этажей, которые отделяли середину корабля от кормы. В камеру реактора он не вошел. В стене, примерно посередине, виднелся длинный засов. Пиркс подплыл к нему, открыл узкие дверцы. За дверцами было вделанное в сталь прямоугольное оконце из свинцового стекла, образующее заднюю стенку клеток с мышами. Благодаря этому можно было наблюдать за ними, не входя в камеру.

За стеклом он увидел грязные пустые донца клеток. Дальше за проволочными сетками, в глубине камеры, поблескивал в свете высоко укрепленной лампы облитый водой корпус робота. Автомат почти горизонтально висел в воздухе, лениво двигая руками. Его панцирь был покрыт белыми мышами; они рысцой бегали по наплечьям, по грудному щиту, скапливались там, где в углублениях членистого живота большими каплями собралась вода: мыши слизывали ее, подскакивали, взлетали в воздух. Терминус ловил их, они скользили между его железными пальцами, их хвостики причудливо закручивались. Картина была странная, такая комичная, что Пирксу стало смешно. Терминус совал пойманных мышей в клетку, его мегалитическое лицо совсем приблизилось к глазам Пиркса, но робот, по-видимому, не заметил его. Еще две-три мышки летали по воздуху; Терминус поймал их, запер клетку и исчез из поля зрения Пиркса, только гигантская тень, словно зацепившись за муфту главного трубопровода, размазанным крестом легла на бетон реактора.

Пиркс тихо закрыл дверцы, вернулся в каюту, разделся и лег, но не мог уснуть. Он принялся за записки астронавигатора Ирвинга; глаза горели, словно в них попал песок, голова отяжелела, но спать все равно не хотелось. Он с тоской подумал, что до утра далеко, накинул халат и вышел.

На пересечении главного коридора с бортовым он услышал в вентиляционном отверстии звуки шагов и приложил ухо к решетке. Звук, искаженный эхом стального колодца, шел снизу. Пиркс оттолкнулся от решетки, с минуту плыл ногами вперед, потом по ближайшему вертикальному проходу попал на корму. Шаги зазвучали громче, замерли, послышались снова. Автомат возвращался. Пиркс поджидал его под самым потолком высокого в этом месте коридора. В глубине коридора скрежетали шаги, потом звук исчез. Пиркс начал терять терпение, но шаги возобновились, из прохода вынырнула длинная тень, и вслед за ней показался Терминус. Он прошел под Пирксом так близко, что было слышно биение его гидравлического сердца. Терминус сделал еще несколько шагов, остановился и издал протяжное шипение. Потом он качнулся вправо и влево, будто кланяясь железным стенам, и двинулся дальше. У темного входа в боковой коридор робот снова остановился. Заглянул туда. Протяжное шипение повторилось. Пиркс поплыл вслед за громадной фигурой.

– Ксс, ксс... – слышал он все отчетливее.

Терминус опять остановился перед очередным вентиляционным колодцем и попытался просунуть голову через решетку. Потерпев неудачу, он зашипел, медленно распрямился и заковылял дальше. Пирксу это надоело.

– Терминус! – крикнул он.

Автомат, как раз наклонявшийся, застыл, не окончив движения.

– Слушаю, – сказал он.

– Что ты опять тут делаешь?

Пиркс всматривался в приплюснутую металлическую маску, хотя она не была лицом и по ней нельзя было ничего прочесть.

– Ищу... – ответил Терминус. – Ищу... кота.

– Что?!

Терминус начал выпрямляться. Он вытягивался вверх – медленно, чуть поскрипывая суставами, в его движениях чудилось нечто угрожающее; руки автомата безвольно свисали, словно он забыл о них.

– Ищу кота, – повторил он.

– Зачем?!

Терминус с минуту молчал, застыв, как железная статуя.

– Не знаю, – ответил он тихо, и Пиркс смутился.

Мертвая тишина, тусклый свет ламп, заржавевшие рельсы грузового пути и закрытые ворота делали коридор похожим на штольню заброшенной шахты.

– Хватит, – сказал наконец Пиркс. – Возвращайся к реактору и не выходи оттуда. Слышишь?!

– Слушаю.

Терминус повернулся и ушел. Пиркс остался один. Поток воздуха миллиметр за миллиметром сносил его, висящего между полом и потолком, к открытой пасти вентилятора. Он оттолкнулся ногой от стены, свернул к подъемнику и помчался вверх, минуя по дороге черные зевы колодцев, из которых, словно тиканье огромных часов, доносились слабеющие, удаляющиеся шаги автомата.

4

Пять следующих дней Пиркс был поглощен математикой. При каждом новом включении реактор грелся все больше, а толку от его работы становилось все меньше. Боман предполагал, что нейтронные отражатели доживают свой век. Это подтверждала и медленно, но неуклонно возрастающая утечка. Пиркс проделывал сложнейшие расчеты, стараясь правильно дозировать время тяги и охлаждения. Когда реактор простаивал, Пиркс перебрасывал криоген с бортовых трюмов в кормовые, где стояла настоящая тропическая жара. Это бесконечное лавирование требовало терпения – Пиркс часами просиживал у Вычислителя и методом проб и ошибок искал наилучшее решение. В результате они прошли сорок три миллиона километров с ничтожным опозданием. На пятый день полета наперекор пессимистическим предсказаниям Бомана они развили нужную скорость. Реактор теперь мог остывать до самой посадки – выключая его, Пиркс вздохнул с облегчением. Пилотируя эту старую грузовую ракету, он видел звезды гораздо реже, чем на Земле. Впрочем, он ими не интересовался, даже красным, как медяк, диском Марса – он был по горло сыт курсовыми кривыми.

В последние сутки пути, поздним вечером, когда темнота, чуть разреженная голубыми огнями, будто увеличивала корабль, он вспомнил о трюмах, куда до сих пор не заглядывал.

Пиркс вышел из кают-компания, где Симс, как всегда, играл в шахматы с Боманом, и на лифте спустился на корму. Он не видел и не слышал Терминуса после встречи в коридоре. Пиркс только заметил, что кот куда-то бесследно исчез, словно его никогда не было на корабле.

В слабо освещенных центральных помещениях корабля с тихим шелестом циркулировали воздушные потоки. Когда Пиркс открыл дверь, в зале зажглись лампочки, покрытые толстым слоем пыли. Он обошел трюм из конца в конец. Среди ящиков, громоздившихся почти до самого потолка, оставался узкий проход. Пиркс проверил натяжение закрепленных в полу стальных лент, которыми стягивались пирамиды груза; он забыл закрыть за собой дверь, и оживший сквозняк высасывал из темных углов кучи опилок, мусора, пакли, которые еле заметно покачивались в воздухе, как ряска на

воде.

Пиркс вышел в коридор, когда донеслись медленные, мерные удары:

– Внимание...

Три удара.

С минуту он дрейфовал в потоке воздуха, который поднимал его вверх. Хочешь не хочешь – приходилось слушать.

Переговаривались двое. Сигналы были слабые, будто люди берегли силы. Один часто сбивался, словно забывал азбуку Морзе. Иногда они подолгу молчали, иногда начинали выстукивать одновременно. Черный коридор с редкими лампами казался бесконечным, и шумящий в нем ветер будто исходил из бездонной пустоты.

– С-и-м-о-н – с-л-ы-ш-и-ш-ь, – медленно, неровно стучало в трубе.

– Н-е – с-л-ы-ш-у – н-е – с-л-ы-ш-у...

Пиркс яростно оттолкнулся от стены и, сжавшись, подогнув ноги, камнем полетел вниз по слабо освещенным коридорам. Тонкая рыжеватая пыль вокруг ламп сгущалась, и Пиркс понял, что корма недалеко. Тяжелые двери реакторной были приоткрыты. Пиркс заглянул туда.

В камере было холодно. Компрессоры, остановленные на ночь, молчали, и только странным, почти человеческим голосом бормотал скрытый в бетонной стене трубопровод, когда пузыри воздуха пробивали дорогу в густеющей жидкости.

Терминус, забрызганный цементом, работал. Над его качающейся, словно маятник, головой ожесточенно жужжал вентилятор. Пиркс, не прикасаясь к ступеням лестницы, спустился вниз.

Руки автомата слабо позвякивали, свежий слой цемента приглушал их удары.

– Н-е – с-л-ы-ш-у – п-р-и-е-м...

Труба звенела все слабее. Пиркс стоял рядом с автоматом. Членистые сегменты живота, заходившие один за другой, когда автомат наклонялся, напоминали брюшко насекомого. В стеклянных глазах дрожали миниатюрные отражения ламп. Уставившись в эти глаза, Пиркс вспомнил, что он совсем один в этой пустой камере с отвесными стенами. Терминус не понимал, что делает, он был машиной, передающей закрепленные в памяти серии звуков, – ничего больше. Удары все слабели.

– С-и-м-о-н – о-т-з-о-в-и-с-ь, – с трудом разбирал Пиркс.

Ритм распадался. Пиркс притронулся к трубе в полуметре от согнувшегося робота. Костяшки пальцев стукнули по металлу; в это время серия ударов на миг оборвалась. Повинуясь внезапному порыву, не успев осознать, насколько дико желание вмешаться в разговор давно ушедших лет, Пиркс начал быстро выстукивать:

– П-о-ч-е-м-у – М-о-м-с-с-е-н – н-е – о-т-в-е-ч-а-е-т – п-р-и-е-м...

Почти одновременно с первым его ударом застучал и Терминус. Звуки слились. Рука автомата замерла, словно услышав стук Пиркса, а когда он кончил, принялась забивать цемент в щель соединения. Труба зазвенела:

– У – н-е-г-о – к-о-н-ч-а...

Пауза. Терминус нагнулся, чтобы зачерпнуть цементного теста. Что это было: начало ответа? Пиркс, затаив дыхание, ждал. Автомат, выпрямившись, стремительно бросал и трамбовал цемент, и по трубе неслись ускоряющиеся удары:

– С-и-м-о-н – э-т-о – т-ы...

– Г-о-в-о-р-и-т – С-и-м-о-н – н-е – я – к-т-о – г-о-в-о-р-и-л – к-т-о – г-о-в-о-р-и-л...

Пиркс втянул голову в плечи. Удары сыпались, как град:

– К-т-о – г-о-в-о-р-и-л – о-т-з-о-в-и-с-ь – к-т-о – г-о-в-о-р-и-л – к-т-о – г-о-в-о-р-и-л – я – С-и-м-о-н – я – В-а-й-н – к-т-о – г-о-в-о-р-и-л – о-т-з-о-в-и-с-ь...

– Терминус! – крикнул Пиркс. – Перестань! Перестань!

Стук прекратился. Терминус выпрямился, но его плечи и руки подергивались, корпус била железная лихорадка, и по этим судорожным движениям Пиркс продолжал читать:

– К-т-о – г-о-в-о-р-и-л – к-т-о – к-т-о...

– Перестань!!! – крикнул он еще раз.

Он смотрел на автомат сбоку – тяжелые плечи вздрагивали, и блики света, отражаясь от панциря, повторяли:

– К-т-о – к-т-о...

Словно опустошенный бурей эмоций, прошедшей сквозь него, автомат одеревенел. Поднимаясь над полом, он с грохотом стукнулся о горизонтальное ответвление трубопровода и повис, будто зацепившись за трубу, совершенно недвижно; но, взглядевшись, Пиркс уловил еле заметное подергивание металлической руки:

– К-т-о...

Пиркс не помнил, как оказался в коридоре. Вентиляторы шумели. Пиркс плыл навстречу идущему с верхних палуб потоку холодного сухого воздуха. Светлые круги ламп скользили по его лицу.

Двери каюты были приоткрыты. На столе горела лампа, отбрасывая на пол узкие полосы

света. Потолок тонул во мраке.

Кто это был? Кто звал его? Симон? Вайн? Но ведь их не было! Они погибли девятнадцать лет назад!

Так кто же это? Терминус? Но он чинил трубопровод – и не более того. Пиркс хорошо знал, что услышит, если попытается расспрашивать его, болтовню о рентгенах, утечках и цементных пломбах. Терминус не подозревает, что его рабочие движения складываются в какой-то призрачный ритм.

Одно ясно: запись – если это запись – не мертва. Кем бы ни были эти... голоса, эти сигналы, с ними можно говорить. Если только хватит мужества...

Он оттолкнулся от потолка и неуверенно подплыл к противоположной стене. К черту! Ему хотелось ходить, ходить быстрыми шагами, чувствовать свой вес, ударять изо всей силы кулаком по столу! Это, на первый взгляд, такое удобное состояние, когда предметы и собственное тело превращаются в невесомые тени, оборачивалось кошмаром. Все, к чему он прикасался, отодвигалось, отплывало, – неустойчивое, лишенное опоры, становилось надутой пустотой, видимостью, сном...

Сном?

Погоди. Если мне кто-то снится и я задаю ему вопрос, то, пока мне не ответят, я не знаю ответа. А ведь приснившийся человек не существует за пределами моего мозга, он лишь временно обособленная его часть. Каждый раздваивается почти ежедневно, вернее, еженощно, давая мимолетно возникающим в мозгу псевдоиндивидуальностям жизнь. Существом вымышленным или существующим на самом деле. Разве не снятся нам зачастую мертвые? Разве не разговариваем мы с ними?

Мертвые...

Неужели Терминус?..

Неосознанно кружа по каюте, проплывая от одной стены к другой, Пиркс добрался до дверей и ухватился за них. Ему был виден темный отрезок коридора с падающей во тьму полосой света.

Вернуться туда?

Вернуться – и не спрашивать?

Это какое-то физическое явление, более сложное, чем обычная запись: автомат – не прибор для фиксирования звуков. В нем возникла запись, наделенная некоторой самостоятельностью, способностью изменяться. Запись, которой – как это ни странно звучит – можно задать вопросы и узнать... все! Узнать о судьбе Симона, Нолана, Потера и об этом непонятном, пугающем молчании командира...

Можно ли представить себе какое-нибудь другое объяснение?

Пожалуй, нет.

Пиркс был уверен в этом и все же не двинулся с места, словно ждал чего-то. В конце концов нет ничего, кроме движения токов внутри железного ящика. Никого живого, ни одного; там нет людей, гибнущих во тьме разбитого корабля. Наверняка никого!

Выстукивать вопросы под стеклянным взглядом Терминуса? Но ведь они не станут по порядку рассказывать свою историю, они начнут звать его, просить кислорода, молить о спасении! Что ответить? Что они не существуют? Что они «псевдоиндивидуальности», изолированные островки электронного мозга, его бред? Что их страх – только имитация страха, а их агония, повторяющаяся каждую ночь, стоит не больше заигранной пластинки? Он не мог забыть вызванный его вопросом стремительный взрыв ударов – крик, которым они, полные изумления и внезапно проснувшейся надежды, призывали его, – эту бесконечную, настойчивую, торопливую мольбу: «Отзовись! Кто говорил? Отзовись!» Он еще чувствовал на кончиках пальцев отчаяние и неистовство этих ударов.

Они не существуют? А кто же его звал, кто молил о помощи? И что изменится, если специалисты скажут, что за этими криками нет ничего, кроме циркуляции зарядов и колебаний, возбужденных резонансом пластин?

Пиркс сел за стол. Выдвинул ящик. Яростно придавил вздыбившиеся с шелестом бумаги, достал ту, которую искал, положил перед собой и старательно разгладил, чтобы она не взлетела от дыхания. Одну за другой он стал заполнять печатные рубрики:

Модель: AST-PM-105/0044

Тип: Универсальный, ремонтный

Название: Терминус

Род повреждения: Распад функций

Выводы:

Пиркс задумался. Он приближал перо к бумаге и опять отводил. Он размышлял о невинности машин, которых человек наделил способностью мыслить и тем самым сделал их соучастниками своих сумасбродств. О том, что легенда о Големе, машине, взбунтовавшейся и восставшей против человека, – ложь, придуманная, чтобы люди, которые отвечают за все, могли эту ответственность с себя сбросить.

Выводы: Сдать на слом.

И внизу страницы, не дрогнув ни одним мускулом лица, он подписался:

Первый пилот Пиркс.